

УДК 1 (091)
ББК 87.3
Ч 38

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор Грифцова И.Н.
(Московский педагогический государственный университет)
Доктор философских наук Пружинин Б.И. (Институт философии РАН)

Утверждено к печати Ученым советом Института философии РАН

Под редакцией Л.А. Тухватулиной

Редактор И.И. Ремезова

Серийное оформление: П.П. Ефремов

Ч 38 **Человек мигрирующий: к 70-летию И.Т. Касавина** / под ред. Л.А. Тухватулиной. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 622 с.

ISBN 978-5-98712-498-7

Настоящее издание представляет результаты работы российских и зарубежных исследователей (философов и представителей конкретных научных дисциплин), посвященной философии и истории науки, социальной эпистемологии и общим проблемам современной теории познания. Книга состоит из шести разделов. Первый раздел носит биографический характер и нацелен на знакомство читателя с И.Т. Касавиным как философом. Во втором разделе дается оценка исторической эпистемологии как программы в гуманитарных исследованиях науки, анализируются основания и ограничения критики научного прогресса и научной рациональности в свете постпозитивистских идей о природе научного знания. Третий раздел посвящен исследованию философско-методологических проблем отдельных дисциплин — как гуманитарных, так и естественно-научных — и ориентирован на разработку оснований для междисциплинарного диалога. Раздел, посвященный социальной динамике науки, наполняют статьи, в которых исследуется взаимодействие науки с другими социальными институтами, а также изучается специфика восприятия научного знания и образа ученых внешней аудиторией. Два последних раздела касаются вопросов трансформации человека и цивилизации в условиях новых вызовов техногенного и информационного характера.

Публикация книги приурочена к 70-летию д.ф.н., члена-корреспондента РАН И.Т. Касавина, содержит список его трудов, краткую биографическую справку, а также развернутое интервью с юбиляром.

Для специалистов в области философии и других социально-гуманитарных дисциплин.

*В оформлении обложки использован фрагмент картины И.К. Айвазовского.
Прибытие флотилии Колумба. 1880*

ISBN 978-5-98712-498-7

© Коллектив авторов, 2024
© Центр гуманитарных инициатив, 2024

Содержание

Л.А. Тухватулина
Введение. Пути миграции: образы науки в работах
И.Т. Касавина 9

Раздел 1. Портрет философа

Философия как профессия и призвание. Интервью к юбилею
И.Т. Касавина 25

А.В. Густырь
Пять лет из жизни Ильи Теодоровича 38

Н.Н. Воронина, А.М. Дорожкин, Г.С. Пак
Личность юбиляра в зеркале науки и образования 52

И.А. Савченко
Между вечностью и злобой дня: о тематической специфике
исследований И.Т. Касавина 63

Раздел 2. Философия и «шум времени»

В.Н. Порус
Историческая эпистемология — триггер реформы философии
познания 79

Л.В. Шиповалова
Как быть социальным философом науки: о смысле исторической
эпистемологии 91

А.В. Смирнов
Стена и куст, или Как возможна культурно-социальная
эпистемология? (К 70-летию И.Т. Касавина) 103

О.Е. Столярова
Философская оценка науки: сциентизм, антисциентизм,
деконструкция 124

И.С. Дмитриев
Пьер Мопертюи: наука между салоном и академией 138

А.О. Костина
Новая философская нормативность: от строгих выводов
к вариативности процессов 168

Раздел 3. Философия и наука

<i>В.А. Лекторский</i> Философия и когнитивные науки	179
<i>В.А. Бажанов</i> Природа субъекта познания в контексте современных когнитивных исследований	195
<i>Alexander Ruser</i> Social Science as a Project: Epistemological consequence of changing contexts for social science research	210
<i>Nico Stehr</i> Social Scientific Knowledge about Knowledge and Information	227
<i>Н.Д. Асташова</i> Проблема экономического пространства в современном научном дискурсе	262
<i>И.Д. Невважай</i> Юридическая (правовая) эпистемология	271
<i>Е.Э. Чеботарева</i> Экологическое восстановление как глобальный научный проект: старое новое «назад к природе»	287
<i>В.Н. Чувильдеев</i> К диалогу философов и ученых: о моделях в материаловедении ...	297

Раздел 4. Социальная динамика науки

<i>А.Ю. Антоновский</i> И.Т. Касавин и его философия науки. Пolemические заметки	311
<i>О.Е. Столярова</i> Миссия ученого как дар: новая легитимность науки?	344
<i>О.Е. Столярова</i> Добродетель когнитивного смирения на весах научного прогресса	349
<i>И.А. Герасимова</i> Культура, наука, экономика	354
<i>Е.В. Масланов</i> Научное творчество в контексте цифровизации	364

<i>Е.В. Масланов</i> Миграция и зоны обмена	376
<i>Т.Д. Соколова</i> Культура несогласия, или О переоцененности научного консенсуса	386
<i>А.В. Сахарова</i> «Агенты» креативности: роль научных коммуникаторов в формировании образа науки	401
<i>С.В. Тихонова</i> Научная коммуникация в российской гуманитаристике: сети и иерархии, видимые и невидимые	410
<i>С.В. Шибаршина</i> Ученые и их визуальные образы в современной поп-культуре	424

Раздел 5. Человек в культуре

<i>Н.А. Касавина</i> «Век тревоги» в художественно-философском и научном дискурсе (к прояснению исторического смысла экзистенциализма)	437
<i>А.А. Аргамакова</i> Ценность субъективного знания	459
<i>Н.И. Кузнецова</i> Космос: испытание ценностей	477

Раздел 6. Вызовы современности

<i>Д.А. Леонтьев</i> Личность перед вызовами времени	489
<i>Е.Т. Соколова</i> Трансформации идентичности в эпоху неопределенности: клинический взгляд на социокультурные феномены	501
<i>В.М. Розин</i> Социальный и антропологический смысл современной техники (пролегомены к концепции техники назревающего Эона)	517
Список литературы	532
Сведения об авторах	583
Биографическая справка	586
Избранные труды И.Т. Касавина	593
Фотографии из личного архива	602

Бажанов Валентин Александрович

В статье предпринимается попытка обосновать, что прогресс в развитии нейронауки (особенно социальной и культурной нейронауки) заставляет пересмотреть традиционное понимание природы субъекта познания, восходящее к идеям И. Канта с его концепциями трансцендентального субъекта познания, наделенного комплексом априорных представлений в контексте которых субъект наделяется универсальными познавательными способностями. Между тем современная нейронаука подводит к мысли о том, что когнитивный потенциал субъекта детерминируется состоянием и динамикой социума и культуры, в который он погружен, характером его деятельности. Таким образом, классический трансцендентализм должен быть переосмыслен как трансцендентализм деятельностного типа, и, соответственно, априорные представления как задаваемые социумом и культурой под углом зрения той деятельности, которая доминирует у конкретного субъекта познания (человека и/или группы, сообщества) «здесь и сейчас». Показывается, что (нейро)биологическая и социально-культурная траектории развития субъекта (познания) оказываются детерминирующими друг друга в духе идеи биокультурного со-конструктивизма.

Ключевые слова: субъект познания, деятельностный трансцендентализм, социальная нейронаука, культурная нейронаука, биокультурный со-конструктивизм

Проблематика, связанная с истолкованием природы субъекта и объекта познания, их взаимосвязи и особенностям взаимодействия неизменно находится в эпицентре теоретико-познавательных исследований. Можно даже утверждать, что качественно новое понимание этой природы и характера взаимоотношения всегда означало если не революцию, то по меньшей мере заметный поворот в направлении развития эпистемологической мысли. Благодаря интенции к различению эмпирического и трансцендентального субъекта такой поворот, например, имел место в последкартовой философии. Аналогичная ситуация сопутствовала преодолению ситуации, которую принято называть «гносеологической робинзонадой», когда в философии твердо утвердилось нормативное по своей сути требование признания автономности и известной креативной самодостаточности мышления¹. «Коперниканский переворот», совершенный И. Кантом, также был связан с осмыслением природы и статуса субъекта познания, а также пересмотром его роли и места в познавательном процессе.

Проблему субъекта активно обсуждали многие отечественные мыслители. Если иметь в виду только отечественные труды последних десятилетий, то вовсе не претендуя на полноту, можно назвать прежде всего философов и психологов – К.А. Абульханову, А.В. Брушлинского, В.А. Лекторского, В.Е. Лепского, Л.А. Микешину, И.Т. Касавина, В.А. Петровского, С.Л. Рубинштейна². В современной зарубежной литературе интерес к аналогичной проблематике также довольно значителен (см., например: [Momennejad, 2021; Tunc, 2023]).

Представления о трансцендентальном субъекте вплетены в контекст существенного прогресса эпистемологических концепций, в которых признавалась важная роль социального окружения и культуры в формировании познавательных установок этого субъекта, но сам он преимущественно трактовался как своего рода универсальное образование, по большому счету лишенное физиологического содержания в том смысле, что свойства его мозга не зависят от культуры и процесса его социализации. «Трансцендентальный субъект, – замечает Л.А. Микешина, – понимается как независимый от эмпирического телесного индивида и сообщества других «Я», как надындивидуальная структура, обеспечивающая общезначимое объективное знание» [Микешина, 2005: 29]. Речь, таким образом, идет о некоторой трансцендентальной реальности, а ссылки на социокультурную её обусловленность по существу относятся к её «внешним» контурам.

¹ Проблемы, связанные с феноменом гносеологической робинзонады, в определенной мере присущи и современной философии [Касавин, 2013].

² Автор также касался этой проблемы в статье «Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения» [Epistemology & Philosophy of Science, 2015. № 3. С. 133 – 149] материалы которой частично используются в данной публикации.

Физиологические характеристики едва ли не любого субъекта познавательной деятельности считаются абсолютными и не зависящими ни от исторических, ни от социальных реалий: физиологически современный человек фактически ничем не отличается от его предка, обитавшего несколько столетий тому назад и вряд ли можно полагать, что ему в обозримом будущем суждено физиологически преобразиться [Яблоков, Юсупов, 2006: 251]. Результат же познавательной деятельности никоим образом не зависит от этих характеристик. «Субъект, – писал А.В. Брушлинский, – это всеохватывающее, **наиболее** широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т. д... Человек как субъект – это *высшая системная целостность* всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь, психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного» [Брушлинский, 2003, с. 22, 61; Брушлинский, 2002, с. 351].

Такого же рода истолкование природы познающего субъекта в целом было характерно и для генетической эпистемологии Ж. Пиаже, и для натурализованной эпистемологии У. Куайна, и во многом для эволюционной эпистемологии К. Лоренца и его последователей. Своего рода вершиной пренебрежения к внутреннему наполнению и особенностям субъекта познания можно, по-видимому, считать «эпистемологию без познающего субъекта» К. Поппера. Речь идет о принципе *когнитивной универсальности субъекта* познания, предполагаемого логоцентристской позицией западной рациональной философии, применение которого имеет далеко идущие последствия и для контуров тех концептуальных конструкций, которые обычно соотносятся с метафизикой и построением картины мира.

В классической психологии достаточно твердо придерживались установки, что подобно тому как любому человеку свойственно прямохождение, так он – вне зависимости от расы, ареала и времени обитания – обладает одними и теми же когнитивными способностями, его мышление в смысле задатков и особенностей не знает временных, пространственных или деятельностных границ. Попытка заменить понятие «субъекта» на понятие «субъектности», а также идея мультисубъектности хотя и вносит новый элемент в психологию личности, но, вообще говоря, выдержана в духе той же самой установки [Петровский, 2021, с. 176, 188]. Если использовать аналогию с компьютером, то мозг в этом смысле может быть уподоблен hardware (тому, что в информационных технологиях принято называть «железом»), а его наполнение в течение жизни и в результате обучения – software (тому, что в информационных технологиях принято называть «программным обеспечением»). По существу, мы здесь встречаемся со своеобразным *когнитивным редукционизмом*, предполагающим определенный онтологический аспект, связанный с явной или неявной констатацией базисной универсальной когнитивной структуры, в правомерности признания которого между тем в настоящее время есть серьезные основания усомниться.

Данные новейших исследований в области нейропсихологии, социальной и культурной нейронауки заставляют пересмотреть устоявшиеся в течение длительного времени и ставшие уже традиционными, как бы отлитыми в гранит, незыблемые представления о связи мозга человека, темпорального аспекта его существования, его деятельности и культуры. О такого рода трансформации и ее значительном влиянии на проблематику в области философии науки обращается внимание многих западных ученых (см., например: [Ren, 2019, p. 38 – 40]), причем эта проблематика оказывается важной и для современных разработок в области искусственного интеллекта [Blackwell, 2023]³. Думаю, что суть этого нового взгляда на человека как субъекта познания можно осмыслить под углом зрения ренессанса известного деятельностного подхода, но наделяемого новыми измерениями, генезис которых обусловлен прогрессом в когнитивных исследованиях.

В какой степени эти исследования способны перекрыть ракурс понимания природы субъекта познания? Не будет ли это понимание способствовать укреплению своего рода релятивистских редутов эпистемологических исследований? Наконец, как оно может затронуть

³ В данной ситуации, вызванной интенсивным прогрессом в области создания искусственного интеллекта возникает представление об «атипичном» субъекте, который оперирует в социотехническом phygital-пространстве, образованном с одной стороны активностью «типичного» субъекта, а с другой – перспективой «общения» носителей искусственного интеллекта между собой [Володенков, Федорченко, 2022, с. 45]. Осмысление данной ситуации выходит за рамки данной статьи.

проблему соотношения биологического и социального в человеке и ряд других философских проблем, которые можно отнести к разряду ключевых?

О внешней (культурной) и внутренней (нейробиологической) детерминации познавательной стратегии субъекта

Новейшие исследования в области социальной и культурной нейронауки на некоторых деталях которых мы остановимся ниже достаточно убедительно, на мой взгляд, говорят в пользу необходимости существенного пересмотра взглядов на природу субъекта познания, которые были характерны для западной философской традиции в течение многих десятилетий и которая вслед за И. Кантом интерпретировала ее в духе трансцендентального субъекта, наделенного универсальными (вневременными, внедеятельностными и неситуативными) когнитивными способностями и свойствами. Такого рода «коллективный субъект» наделялся когнитивным потенциалом, который фактически не зависел ни от конкретного исторического контекста, ни от ареала культуры, в которой он сформировался и проявляет активность, ни от социально-политического климата, в котором он творит. По существу, как указывалось еще выше, речь идет о наделении субъекта познания некоторыми «базисными» способностями постигать сущность реальности *par excellence* [Jenkin, 2020]. Идея «коллективного субъекта» в западной философии науки считается едва ли не новым словом – несмотря на то, что фундамент историко-культурного подхода в психологии был заложен еще в первой трети двадцатого века и факты социальной детерминации активности субъекта довольно пристально анализировались [Momenjad, 2021, p. 7 - 8]. Так, Д. Тунц в качестве едва ли не лейтмотивом своей статьи в одном из ведущих мировых журналов в области философии науки (*Synthese*) представляет положение о том, что «знание добывается коллективным субъектом, но его носителем является конкретная личность» [Tunc, 2023, p. 14 - 16]. Между тем это положение являлось азбучной истиной даже в ортодоксальных версиях марксистской философии. Идея о том, что коллективный субъект вписан в определенную культуру, которая «отпечатывается» в его когнитивных установках и целеполагании, являлась общепризнанной и в постсоветской философии.

Новыми являются открытия в современной нейронауке фактов заметного влияния культуры на характер человеческого восприятия и особенности когнитивных стратегий уже на онтогенетическом уровне. Он заставляют модифицировать представления о субъекте познания и ввести *принцип культурной, деятельностной и нейробиологической детерминации его познавательной стратегии*. Фактически речь идет о том, что когнитивный инструментальный субъект оказывается «завязан» на его, субъекта, социокультурном базисе и детерминирован историей становления и пребывания в определенном культурном контексте, который обуславливает онтогенетические и филогенетические особенности мозга. Думается, что этот принцип допустимо переформулировать и в *принцип относительности субъекта познания к его социокультурному и биологическому происхождению, ареалу деятельности и генетической предрасположенности, корректируемой особенностями истории его жизни*.

По существу, мы здесь сталкиваемся с некоторым аспектом деятельностного подхода в виде проблемы активности субъекта познания и сознания.

Сформированное в определенной культурной среде и в определенной степени биологически ориентированное сознание конструирует онтологию, приписывая реальности и обратно – воспринимая – те свойства, которые как бы заданы социальной и культурной средой. Деятельность субъекта оказывается обладающей более фундаментальным статусом, нежели существование отдельных вещей. В качестве объяснительного теоретико-познавательного принципа деятельностный подход предполагает, что знание необходимо анализировать под углом зрения порождающих его структур (включая нейробиологические) и особенностей социокультурной деятельности субъекта познания.

Знания и представления субъекта познания, которые сформированы его культурной предысторией и физиологической организацией, формируют своего рода призму, сквозь которую «просматривается» реальность. Это своего рода априорные матрицы, за которые в его психике несут ответственность генетические предпосылки, предшествующая и текущая деятельность, проистекающая и связанная с конкретными социокультурными реалиями. Эти априорные матрицы можно сравнить с сетью, которая забрасывается в реальность, и она вылавливает все, что соразмерно величине ее ячеек, причем форма ячеек зависит от их культурной и биологической предыстории. Здесь, разумеется, имеет значение и целеполагание субъекта, подчиняющее его

познавательную активность определенным задачам и подстраивающее систему его априорных категорий под конкретные цели. Как однажды заметил Бор по поводу, близкому у обсуждаемому, «То a boy with a hammer all things seems like a nail (для мальчика с молотком все вещи – гвозди)». В формировании этих «матриц» принимают участие и нейробиологические, и социокультурные механизмы.

Деятельностный подход, таким образом, позволяет по-новому посмотреть на перспективы процесса дезантропологизации человеческого образа мира. Психический образ содержит как бы сотворенный мир; человек создает новую реальность, отталкиваясь от специфики своей (в более общем случае – сообщества) деятельности и филогенетических особенностей, задающих установки, эмоции, компетенции, ракурс видения реальности – то, что относится не только к внутреннему духовному миру человека, но и его (нейро)физиологической организации.

Именно благодаря деятельности субъективное допустимо элиминировать из результатов деятельности только условно; процесс достижения объективного знания состоит в «вычеканивании» привнесений, предопределенных деятельностью, социальностью и культурой, из объекта (т.е. перевода знания из «формы деятельности» в «форму объекта»), которое, тем не менее, не может быть в общем случае абсолютным в той мере, в которой характер деятельности изменяет состояние объекта, если использовать квантовую терминологию, «возмущает» его.

Внимание на индивидуальный объект или на контекст, в котором существует объект, опора на формально-логические операции, категоризацию и классификацию, основанных на некоторых правилах, а не на ситуативные соображения, интерпретация формально-логического противоречия как вызова разуму, а не указание на необходимость поиска «срединного» пути и толерантное к нему отношение, наконец, доминантная ориентация либо на умозрительные концепции, а не на собственный опыт, – всё это подводит к мысли, что идея универсальности когнитивных способностей субъекта должна быть пересмотрена в пользу их социокультурной релятивности и необходимости учитывать конкретные формы ее реализации, что, однако ведет в конечном счете к повышению удельного веса объективности в его познавательной деятельности.

Думается, что в каком-то смысле речь может идти о новом аспекте концепции *психологизма*, который относится к особенностям и механизмам активности субъекта познания и касается глубоких оснований его творческой деятельности [Бажанов, 2019, гл. 11 «Психологизм или антипсихологизм? Вопрос открыт»]. Субъект познания оказывается плотно вписанным в исторически и биологически детерминированный культурный контекст, придающей его деятельности животворящую полноту отведенного ему срока.

О различии нейрокогнитивных стратегий субъектов познания, сформированных в контексте разных культур

Догадки о глубинном влиянии социально-культурного контекста на психические функции и мозг человека, равно как и обратном воздействии высказывались еще В. Вундтом в начале XX века, который подчеркивал, что все ментальные явления – продукты деятельности и культурных практик определенных социальных групп. Однако последовательно эта идея была развита Л.С. Выготским и А.Р. Лурией, которые по праву считаются основателями социокультурного направления в современной психологии, которое, в частности, включает социальную и культурную нейронауку. Ими впервые последовательно проводилась мысль, что социальная, культурная и биологическая линии жизни человека тесно переплетаются, причем происходит это едва ли не с самого начала пренатального развития.

Если попытаться выразить современное понимание идеи социокультурной обусловленности когнитивных процессов и их обратного воздействия на мозг, то можно сказать, что *культура оказывает существенное влияние на объективные биохимические процессы, протекающие в мозге и на изменение генетического материала человека, а последние, в свою очередь, могут предрасполагать их носителей к формированию и поддержке определенных социальных и культурных сред, напрямую связанных с характером восприятия, рассуждения и особенностями познавательной деятельности человека в целом.* С биологической точки зрения эти процессы описываются эффектом Болдуина: изменения в генах могут приводить к изменению человеческого поведения, которое в свою очередь может вести к изменению факторов естественного отбора и, стало быть, к выбору новой траектории эволюции человеческого организма. Речь идет о *коэволюции* генома человека и его культуры, укорененной в некотором

социуме, в наличии двух переплетающихся и взаимозависимых траекторий развития homo sapiens: естественной (натуральной) и культурно-исторической.

Архитектура развивающегося мозга и его способности к когнитивной активности оказывается зависимой от ряда социально-экономических факторов (дохода родителей и впоследствии собственного дохода, социального статуса, образования). Так, доля серого вещества (например, в гиппокампе) тем выше, чем более благоприятны социально-экономические факторы, в которых формировался носитель данного мозга [Jednorog, Altarelli, Monzalvo, Fluss, Dubois, Billard, Dehaene-Lambertz, Ramus, 2012, p. 5]

Даже небольшие различия в активности тех или иных аллелей генов способны влиять на формат восприятия, членения реальности и особенностей деятельности тех или иных социальных групп [Chiao, Hariri, Harada, Mano, Sadato, Parish, Iidaka, 2010, p. 359]. Это влияние связано с эпигенетическими факторами, которые либо приостанавливают действие тех или иных генов или же запускают действие ранее «замороженных», что в значительной степени зависит от состояния среды и культуры. Феномен многообразия в растительном мире имеет место и мире ментальном: именно фактор многообразия оказывается едва ли не ключевым и для жизнестойкости семейств живых организмов, так и человеческих сообществ [Lyons, 2022, p. 201 – 202]. При этом «чем шире поле культурного многообразия (некоторой социальной группы – В.Б.) тем в больших социальных связях эта группа нуждается» [Schimmerpfenning, Razek et al., 2021, p. 4]. Здесь также действуют нейрофизиологические факторы – имея в виду то обстоятельство, что «зеркальные нейроны могут занимать важное место в механизмах социального познания» [Shapiro, Spraulding, 2021].

В культурах, которые принято считать *коллективистскими* (к ним обычно относят восточные культуры), преобладают индивиды с короткими аллелями типа 5-HTTLPR, у которых наблюдается большее содержание серотонина. Индивиды с такого рода аллелями в меньшей степени склонны к тревогам и депрессиям благодаря доминированию коллективистских ценностей, которые смягчают для генотипически восприимчивого населения действие разного рода рисков аффективного поведения и психических нарушений [Chiao, Hariri, Harada, Mano, Sadato, Parish, Iidaka, 2010, p. 359; Lin, Ramirez-Esparza, Cabo, 2023].

Представители западных, считающиеся *индивидуалистскими* культурами, генетически (в смысле преобладающих композиций генома) предрасположены к более высокому уровню тревожности, депрессивным состояниям и другим формам психических аномалий.

С нейробиологической точки зрения здесь имеется в виду работа генетических механизмов приобретения социально-культурного опыта путем задания общих принципов построения и настройки нейронных контуров, а в социально-культурном аспекте – о не замечаемой ранее глубинной фундированности соответствующих практик физиологической организацией человеческого организма и его мозга. Такого рода когнитивные различия имеют место в смысле базисных особенностей «препарирования» реальности, но и в плане политических предпочтений в рамках одного типа культуры (например, имея в виду координаты «консерватизм – либерализм»).

Особенно рельефно эта особенность наблюдается у носителей разных по своей архитектонике культур – западной и восточной.

Различие когнитивных стратегий и даже оценок того, что означает понятие «знания» [Hannon, 2019, p. 156], которые свойственны носителям различных культур и соответствующего набора генов касается таких психологических качеств как восприятие, концентрация внимания, память, которые влияют и на характер рассуждения, причем элиминировать заданные культурой глубинные механизмы, действующие в мозге, оказывается фактически невозможным [Lin, Ramirez-Esparza, Cabo, 2023].

Обычно эти различия проявляются в таких культурных оппозициях как:

«индивидуализм» – «коллективизм»;

«холистический» – «аналитический» характер познавательной деятельности;

«долгосрочное» – «краткосрочное» планирование жизни;

«мужское» – «женское» начало в человеческом поведении;

степень дистанцирования от власти;

отношение к неопределенности будущего; осознание причинно-следственных связей.

В плане некоторых конкретных когнитивных особенностей речь идет о таких оппозициях как:

«непрерывность» – «дискретность» в восприятии событий;

доминирование выводов по аналогии (подобие) – следование правилам и распределению событий согласно некоторым категориям;

сосредоточенность на контексте или на объекте, который вписан в определенный контекст; акцент на диалектическом или формально-логическом типе мышления; большее доверие знанию, основанном на опыте или же на абстрактном анализе [Levine, 2006; Нисбет, 2012; Берри, 2019].

В политических координатах когнитивные предпочтения граждан, склонных к консерватизму, выражаются в:

(преимущественно неукоснительном) следовании традициям, в тенденциях к конформизму;

ориентации на «авторитеты», чутком ощущении опасности от каких-то событий;

нежелании разбираться в сложных комбинациях;

осмыслении явлений в черно-белых тонах;

уважении к существующей власти и в лучшем случае настороженное отношение к оппозиции.

У такого рода людей наблюдается большая активность в области правой миндалины и большая плотность серого вещества.

Когнитивные предпочтения граждан, склонных к либерализму, выражаются в:

толерантности к новому;

желаниях новых впечатлений; обостренном чувстве эмпатии;

большей степени адаптации к изменяющимся условиям жизни;

тенденциям к осмыслению реальности в более сложном, нежели «черное-белое», ракурсе;

преимущественно критическое отношение к существующей власти.

У такого рода людей наблюдается большая активность в передней поясной коре мозга и большая к ней плотность серого вещества [Mendez, 2017, p. 87; Bernabel, Oliveira, 2017, p. 51 - 53].

Консерваторы и либералы по-разному воспринимают и оценивают одни и те же события и картины. «Средний консерватор» и «средний либерал» в процессе возможного обмена мнениями, дискуссии склонны дрейфовать к более категоричным позициям, к полюсам, которые характерны для «радикальных» консерваторов или либералов [Leong, Chen et al., 2020, p. 27733 – 27734]. Настроения и предвзятые мнения к новой обстановке мигрантов из Восточной Азии в Великобританию и в Гонконг определяются теми реалиями, в которых они оказываются. Так, у мигрантов в Великобританию такого рода мнения наблюдаются чаще, чем у мигрантов в Гонконг, поскольку первые испытывают по понятным причинам большую культурную трансформацию, чем вторые [Ylend, Andre et al., 2019].

В такого рода вариациях оценок ничего необычного на самом деле нет, поскольку каждый человек или группа людей формирует своё мнение на фундаменте своего предшествующего опыта, который выступает в качестве некоторой априорной предпосылки. Такого рода ситуации (после получившего широкую известность фильма А. Куросава «Расёмон») получили название эффекта Расёмона. Этот эффект, воспроизведенный в фильме, заключается в том, что одно и то же событие четырьмя непосредственными свидетелями (которыми являлись «разбойник», «жена», «самурай» и «дровосек») описывалось в версиях каждая из которых не просто в каких-то деталях не совпадала, а противоречила другой⁴. Здесь уместно вспомнить и давно известный в киноискусстве эффект Льва Кулешова (зависимость восприятия вещи от контекста, в котором она представляется). Этот эффект подводит к мысли о том, что активность восприятия характерно не только сознанию, но и подсознанию. Аналогично можно утверждать и активный характер языка, который используется в процессе познания: слова – это не просто «бирки», соответствующие той или иной вещи, свойству или отношению, а опять-таки единицы, порожденные деятельностью семантика которых задается её особенностями, – единицы, в процессе познания также выступающие некоторыми оптическими инструментами, препарирующими мир и фиксирующими особенности процесса его расчленения.

Культура в общем случае задает угол зрения, ракурс обработки информации, поступающей в мозг от некоторого предмета и, более того, в какой-то мере и выделение самого предмета (имея в виду фон, контекст его «существования») задается этим ракурсом. В результате у носителей

⁴ В психиатрии высказывается мысль о нескольких типах восприятия информации и/или дезинформации, которые различаются степенью критической рефлексии личности, проявляемой на уровне фенотипа и усиленной последующим жизненным опытом, по отношению к информации, поступающей из внешней среды [Piksa, Noworyta et al., 2022]. При этом у реципиентов с отличающимися нарративами по поводу одного и того же события обычно синхронизируются различные участки нейронной сети [Finn, Corlett et al., 2018].

разных культур активизируются разные участки мозга: у европейцев это преимущественно затылочно-височные отделы коры мозга, ответственные за выделение отдельных объектов, а у представителей Восточной Азии – это так называемая парагиппокампальная извилина, которая прежде всего обрабатывает контекст, фон на котором находится объект. У восточных народов нейронные сети более активны в районах мозга, которые связаны со взаимодействием с другими носителями сознания и эмоциональной сферой, а у западных – в районах мозга, которые осуществляют функции самоописания и процессуальной эмоциональной реакции, относящейся к продолжающейся социальной деятельности [Han, Ma, 2014, p. 298]. Всё это говорит в пользу высокой степени пластичности мозга, который с одной стороны представляет собой нейробиологическую структуру, а с другой – его наполнение на сознательном и подсознательном уровне детерминируется культурой, которая закрепляет себя в плане изменения физиологии (имея в виду онтогенетические и филогенетические аспекты) и оказывает обратное влияние на различные социокультурные реалии посредством преобладающей деятельности и коллективного поведения.

Носители западной культуры привержены достаточно выраженному *аналитическому* стилю мышления. Это означает, что они: воспринимают вещи как индивидуальные объекты и концентрируют свое внимание на их свойствах; они склонны упорядочивать системы вещей с опорой на законы формальной логики и концептуальные категории (вещи А и В суть С); противоречие для них чаще всего является свидетельством некоторого неблагополучия и его стараются избегать; при встрече с противоречием руководящим принципом выступает принцип «(не)противоречия»; с лингвистической точки зрения мир как бы разбивается на дискретные блоки.

Короче говоря, носителям западной культуры свойственен своего рода гиперлогицизм, довольно выраженный рациональный дискурс, восходящий к античности с ее космоцентризмом, стремлением найти в мире скрытый под наслоениями хаотически разбросанных вещей некий порядок⁵. Этот стиль мышления под логическим углом зрения предполагает опору на отношение рода и вида, своего рода деконтекстуализацию события. Он сформировался в условиях древнегреческой демократии, с ее традициями свободных дискуссий, нахождения истины в полемике, стремлению через познание контролировать и себя, и окружающую природу, воспитывать человека как индивидуальность (своего рода социальный номинализм). В средневековье в лоне христианства возобладала линия, согласно которой истина не может находиться где-то «посередине», выбор в пользу одной стороны из альтернативы неизбежен: отступление от христианских канонов трактовалось как «ересь», часто предполагающее жестокое наказание.

Носители восточной культуры тяготеют к *холистическому* или, как также принято называть в нейропсихологической литературе, к *диалектическому* стилю мышления [Koo, Choi et al., 2018]. Это означает, что они: воспринимают вещи в контексте подвижного, постоянно меняющегося мира, в «поле» их развития, как целостность, «ситуативно» в том смысле, что классы вещей упорядочиваются с опорой на отношение «часть – целое» (вещь А есть часть вещи В)⁶, на представление о «всеобщей связи явлений»; формально-логические законы и предписания преимущественно не трактуют как имеющие принудительный, жесткий нормативный характер; склонны рассматривать события в контексте других событий и явлений; вопреки западной традиции, заложенной, вероятно, в христианской религии, ранее подписанный договор рассматривают не как незыблемый, а соответствующий или не соответствующий текущему положению дел, ситуативно; человек воспитывается как член сообщества, группы, сцементированных совместной деятельностью.

Противоречие для носителей такого рода культуры – не вызов разуму, а естественное состояние, которое предполагает разрешение противоречивой ситуации не с помощью ликвидации одной из сторон противоречия, а посредством поиска «срединного пути», некоторого действия, которое сохраняет естественную «гармонию». Противоречие здесь вызывает положительные эмоции, которые фиксируются и на уровне нейронных сетей [Deng, An et al., 2022].

⁵ В рамках западной культуры с долей некоторой условности можно выделить и стиль мышления, который доминирует у россиян [Гачев, 2008: 205 – 213; Bazhanov, 2000].

⁶ Например, при виде рыбы в воде представитель западной культуры обратит внимание прежде всего на рыбу, то представитель восточной культуры будет склонен к утверждению, что он видит рыбу в реке (а не просто рыбу).

Нельзя также не заметить, что буддизм по сравнению с христианством значительно более толерантен по отношению к внешним привнесениям и отступникам от некоторых явных или неявных канонов.

Наконец, представители восточной культуры в своих действиях больше доверяют не концептуальным конструкциям, а своему непосредственному опыту и опыту своего (со)общества, поскольку права отдельного члена этого общества оказываются производными от прав, помогающих сохранить целостность и гармоничное функционирование этого общества (своего рода выраженный социальный реализм).

Установлено, что представители восточной культуры склонны к более рискованным финансовым операциям чем представители западной культуры. Объяснение этому факту кроется в том, что в коллективистских культурах риск при такого рода неудачных операциях может с большей вероятностью демпфироваться за счет помощи сообщества, тогда как в индивидуалистских обществах человек должен и привык рассчитывать только на себя, не полагаясь на помощь того или иного сообщества.

Носители западной и восточной культуры различаются и в логической оценках ситуаций, связанных с событиями, которые имеют разные вероятности. Более вероятные события оценивались в рассуждениях как более надежные представителями восточной культуры, тогда как представители западной культуры были существенно более сдержанными в своих заключениях [Нисбет, 2012].

Стоит вспомнить символическое изображение противоположных начал в древнекитайской философии – инь и янь: поделенный надвое круг со взаимопроникающими элементами. В знаменитой «Книге перемен» соответственно можно прочесть, что *«несчастье проистекает из состояния счастья, а в счастье спрятано несчастье»*.

Восточное общество представляет собой иерархически организованную целостность и в этом смысле его строение более сложное, чем у западного. Элементы социального реализма в нем представлены существенно более выражено, чем у западного общества, в котором значителен удельный вес факторов, относящихся к социальному номинализму. Древнее восточное общество не знало свободных дискуссий, оно ориентировалось на достижение непосредственного практического результата, и по большому счету не было склонно к выработке абстрактных теорий. Неслучайно в древнем Китае так и не появилась полноценная геометрическая теория, сопоставимая с геометрией Евклида. Геометрическое рассуждение предполагает выраженный дедуктивный тип рассуждений, абстрактность и «умозрительность» которых очевидны. На Востоке абстрактности и умозрительности предпочитали практическую приложимость и непосредственную полезность. На древнем Востоке так и не созрело представление о «законе природы» как отражении объективного положения вещей и динамики их движения – представление, которое играло ключевую роль в мировоззрении европейцев едва ли не с античности.

В восточном обществе организм рассматривался как некоторая гармоническая целостность, а болезнь – как фактор, ее нарушающий. Поэтому методы китайской медицины были сосредоточены на восстановлении этой гармонической целостности, естественного баланса внутренних сил организма. В западной медицине исходили из тезиса, что причиной болезни может быть непорядок в функционировании какого-то конкретного органа. Именно это убеждение явилось стартовой точкой возникновения хирургии, которая предполагает, что удаление какого-то конкретного органа может вылечить человека от недуга.

Характер производственной деятельности также накладывает заметный отпечаток на стиль мышления и доминирующие познавательные стратегии: чем более коллективистской является деятельность, тем формируется более выраженное диалектическое (холистическое) мышление. Так, скотоводство и рыболовство предрасполагает к формированию аналитического стиля мышления, а земледелие – диалектического. Любопытно, что исследование мышления китайских земледельцев, которые занимались выращиванием такой сельскохозяйственной культуры как пшеница было заметно менее диалектическим, чем те, которые выращивали рис, требующий существенно больших коллективных усилий и совместного труда [Talhelm, Zhang, Oishi, Shimin, Duan, Lan, Kitayama, 2014, p. 603 – 608].

Вместо заключения: в оправдание «умеренного» релятивизма

Акцент на необходимости осмысливать активность субъекта в контексте принципа относительности и его онтогенетических характеристик вовсе не отменяет признания нацеленности субъекта на достижение объективной истины и делает лишними опасения, связанные с позицией «радикального» релятивизма. Объект познания в этом случае предстает многогранным образованием в том плане, что различные его грани высвечиваются под углом зрения нейрокогнитивных особенностей, культурного и/или деятельностного «инструментария» субъекта, который направляет его внимание на те или иные стороны объекта и позволяет получать различающееся по своей композиции и содержанию знание. Здесь допустима аналогия с освещением некоторого объемного предмета лучом света с определенной стороны. Понимание субъекта в аспекте его «универсальности» подразумевает, что он видит с определенной познавательной позиции весь объект целиком, тогда как на самом деле ему доступны лишь определенные его стороны, которые открываются наблюдению при использовании конкретных познавательных средств, что, собственно, и имеется в виду при утверждении социокультурной и/или физиологической обусловленности когнитивного потенциала субъекта и результатов его активности. Таким образом активность субъекта познания задана его социальным, культурным и физиологическим «наполнением» и, вообще говоря, целеполаганием – факторами, «привязку» субъекта к которым предполагают анализ его активности сквозь призму «умеренного» релятивизма.

Библиография

- Бажанов, 2019 – *Бажанов В.А.* Мозг – социум – культура. Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+, 2019. 288 с.
- Берри, 2019 – *Берри Дж. У.* Экокультурная психология // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. №2. С. 4 – 16.
- Брушлинский, 2002 – *Брушлинский А.В.* О деятельности субъекта и его критериях // Субъект, познание, деятельность. М.: Канон+, 2002. С. 351 – 376.
- Брушлинский, 2003 – *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Алетей, 2003. 272 с.
- Володенков, Федорченко, 2022 – *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Особенности феномена субъектности в условиях искусственной социальности // Полис. 2022ю №5. С. 40 – 55.
- Гачев, 2008 – *Гачев Г.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2008. 544 с.
- Касавин, 2013 – *Касавин И.Т.* Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. №7. С. 63 – 72.
- Микешина, 2005 – *Микешина Л.А.* Философия науки. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта. 2005. 464 с.
- Нисбет, 2012 – *Нисбет Р.* География мысли. М.: Астрель, 2012. 286 с.
- Петровский, 2021 – *Петровский В.А.* «Я» и «САМО» в определении себя и определение себя в Социуме // Мир психологии. 2021. №1 – 2. С. 174 – 193.
- Яблоков, Юсупов, 2006 – *Яблоков А. В., Юсупов А. Г.* Эволюционное учение. М.: Высшая школа, 2006. 310 с.
- Bazhanov, 2000 – *Bazhanov V.A.* The Rationality of Russia and Rationality of the West // Rationalität und Irrationalität. Beiträge des 23 Internationalen Wittgenstein Symposiums. 13 - 19 August 2000. Kirchberg am Wechsel, 2000. Band 1. S. 58 - 63.
- Bernabel, Oliveira, 2017 – *Bernabel R., Oliveira A.* Conservatism and Liberalism Predict Performance in Two Non-Ideological Cognitive Tasks // Politics and the Life Sciences. 2017. Vol. 36(2). P. 49-59. doi:10.1017/pls.2017.17.
- Blackwell, 2023 – *Blackwell A.F.* The Two Kinds of Artificial Intelligence, or How not to Confuse Objects and Subjectes // Interdisciplinary Scientific Review. 2023. Vol 48 (1). P. 5 – 14.
- Chiao, Ambady, 2007 – *Chiao J., Ambady N.* Cultural neuroscience: parsing universality and diversity // Handbook of cultural psychology/ Ed. S. Kitayama, D. Cohen. N.Y., 2007. P. 237 – 254.
- Chiao, Hariri, Harada, Mano, Sadato, Parish, Iidaka, 2010 – *Chiao J., Hariri A., Harada T., Mano Y., Sadato N., Parish T., Iidaka T.* Theory and methods in cultural neuroscience // SCAN. 2010. Vol. 5. P. 356 – 361.
- Deng, An, You, 2022 – *Deng X., An S. You Y.* Neural Underpinnings of the Role of Dialecticism in Processing Positive Emotions // *Culture and Brain*. 2022. P.78–93. <https://doi.org/10.1007/s40167-021-00104-x>
- Finn, Corlett et al., 2018 – *Finn E.S., Corlett P. R. et al.* Trait Paranoia Shapes Inter-Subject Synchrony in Brain Activity During an Ambiguous Social Narrative // Nature Communications. 2018. Vol. 9. Article 2043.
- Hannon, 2019 – *Hannon M.* What's the Point of Knowledge? A Function-First Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2019. IX, 275 p.
- Jednorog, Altarelli, Monzalvo, Fluss, Dubois, Billard, Dehaene-Lambertz, Ramus – *Jednorog K., Altarelli I., Monzalvo K., Fluss J., Dubois J., Billard C., Dehaene-Lambertz G., Ramus F.* The Influence of Socioeconomic Status on Children's Brain Structure // PLoS ONE, 2012, vol. 7, N 8.

- Jenkin, 2020 – Jenkin Z. The Epistemic Role of Core Cognition // *The Philosophical Review*. 2020. Vol. 129 (2). P. 251 – 298.
- Koo, Choi et al., 2018 – *Koo M., Choi J. et al.* Analytic versus Holistic Cognition: Constructs and Measurements // *The Psychological and Cultural Foundations of East Asian Cognition: Contradiction, Change, and Holism* / Eds. Spencer-Rodgers J., Peng K. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 105 – 134.
- LeClair, Janusonis, Kim, 2014 – *LeClair J., Janusonis S., Kim H.S.* Gene-culture interactions: multi-gene approach // *Culture and Brain*. 2014. Vol. 2(2). P. 122 – 140.
- Leong, Chen et al., 2020 – *Leong, Y., Chen, J., Willer, R. Zaki, J.* Conservative and liberal attitudes drive polarized neural responses to political content // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117. P. 27731-27739.
- Levine, 2006 – *Levine R.* A Geography of Time. Oxford: One World, 2006. XI, 258 p.
- Lin, Ramirez-Esparza, Cabo, 2023 – *Lin M., Ramirez-Esparza N., Cabo D.P.* Latinx's Attention to Social Context: A Comparison with European Americans and East-Asians Living in the U.S. // *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. 2023. Vol. 10 (2). P. 1 – 21.
- Lyons, 2022 – *Lyons J.C.* Cognitive Diversity and the Contingency of Evidence // *Synthese*. 2022. Vol. 200 (3). Article 202. <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03660-8>
- Mendez, 2017 – *Mendez M.F.* A Neurology of the Conservative-Liberal Dimension of Political Ideology // *Journal of Neuropsychiatry (Clinical Neuroscience)*. 2017. Vol. 29(2). P. 86 – 94.
- Momennejad, 2021 – *Momennejad I.* Collective Minds: Social Network topology Shapes Collective Cognition // *Philosophical Transaction of Royal Society B*. 2021. B 377. Article 20200315.
- Peng, Nisbett, 1999 – *Peng K., Nisbett R.* Culture, Dialectics, and Reasoning about Contradiction // *American Psychologist*. 1999. Vol. 54. P. 741 – 754.
- Piksa, Noworyta et al., 2022 – *Piksa M., Noworyta K. et al.* Cognitive Processes and Personality Traits Underlying Four Phenotypes of Susceptibility to (Mis)Information // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. Article 912397.
- Ren, 2019 – *Ren F.* Influence of Cognitive Neuroscience on Contemporary Philosophy of Science // *Translational Neuroscience*. 2019. Vol. 10. P. 37 – 43.
- Robinson, Fernald, Clayton, 2008 – *Robinson G.E., Fernald R.D., Clayton D.F.* Genes and Social Behavior // *Science*. 2008. Vol. 322. P. 896–900.
- Schimmerpfenning, Razek et al., 2021 – *Schimmerpfenning R., Razek L., et al.* Paradox of Diversity in the Collective Brain // *Philosophical Transaction B*. 2021. Vol. 377. Article 20200316.
- Shapiro, Spaulding, 2021 – *Shapiro L., Spaulding S.* Embodied Cognition // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2021 (<https://plato.stanford.edu/entries/embodied-cognition/>; accessed May 9, 2023).
- Talhelm, Zhang, Oishi, Shimin, Duan, Lan, Kitayama, 2014 – *Talhelm T., Zhang X., Oishi S., Shimin C., Duan D., Lan X., Kitayama S.* Large-scale psychological differences within China explained by rice versus wheat agriculture // *Science*. 2014. Vol. 244. P. 603 – 608.
- Tunc, 2023 – *Tunc U. D.* The Subject of Knowledge in Collaborative Science // *Synthese*. 2023. DOI: 10.1007/s11229-023-04080-y
- Ylend, Andre et al., 2019 – *Ylend J., Andre J. et al.* Biased Cognition in East Asian and Western Cultures // *PLOS ONE*. 2019. Vol. 14(10). Article e0223358.